

УДК 316.356.2

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОДСТВА

*Крецер Ирина Юрьевна
ассистент кафедры культурной антропологии и этнической социологии
факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
E-mail: kretser@list.ru*

PERSPECTIVES OF MODERN RESEARCHES OF kinship

*Kretser Irina Urevna,
assistant professor,
Saint-Petersburg University,
Saint-Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены перспективы исследования родственных отношений в современных обществах. Обозначены трудности, связанные как с самими отношениями, так и с логикой их изучения и концептуализации. Сформулированы основные характеристики современных отношений родства: усложнение сферы родственных отношений, процессуальность, изменчивость, гибкий и волюнтаристский характер.

ABSTRACT

The article presents perspectives of study of kinship relations in modern society. The difficulties related with kinship relations as well as with its study logic and conceptualization. The main characteristics of modern kinship relations such as complication of kinship relations' space, viewing kinship as process, variability, flexible and voluntary character are presented.

Ключевые слова: антропология родства, родство, родственные отношения, современное общество, выбор, процессуальный характер родства

Key words: anthropology of kinship, kinship, kinship relations, modern society, voluntarism, kinship as process

В прошлом году телеканалом культура был показан российско-азербайджанский документальный фильм «Моя родня». В основе сюжета – история десятилетней девочки Лолиты, которая в первый раз едет в Азербайджан, чтобы познакомиться со своим родственниками со стороны отца. В этом фильме можно увидеть несколько «историй»: это и восприятие ребенком новых для нее культурных традиций и норм, и линия отношений отец-дочь, где первый выступает своеобразным проводником в мир своей семьи, и отношение между многочисленными родственниками, составляющими большую семью Лолиты. Это фильм открывает для обсуждения классическую, но при этом не самую популярную для современного мира тему родственных отношений. Очень часто разговор о родстве в современном мире – что на уровне обыденных бесед, что на уровне научных дискуссий – приводит к понятному, на первый взгляд, утверждению, что родства в современных обществах не существует или, по крайней мере, значимость родственников существенно меньше, чем это было раньше. На чем основана такая точка зрения? Можно выделить несколько причин. С одной стороны, в научном пространстве это видится отголоском дискуссий, имевших место в социальной антропологии в 60-70х годах 20 века и выразившихся в утверждении Дэвида Шнайдера, что не существует такого предмета, как родство [1]. С другой стороны, в социальных науках концепт «родство» в принципе достаточно слабо применяется для описания современных европейских обществ, уступая место понятию «семья», которое в большинстве случаев подразумевает нуклеарную семью [2, с.233; 3, с.11; 4 с.8; 5, с.253]. Это происходит, потому что современные западные общества рассматриваются как основанные на культе автономии и индивидуализации,

что дает возможность перевести родственные отношения в сферу ненужного. В этом смысле интересна идея Энтони Гидденса, который показывает, как в современном обществе уже нуклеарная семья замещается новым социальным образованием – парой, в основе которой идея, что семья может считаться таковой и без наличия детей [6, с.74]. Еще один пример своеобразной социальной атомизации – это книга Эрика Кляйненберг с говорящим само за себя названием «Жизнь соло. Новая социальная реальность» [7]. Однако, если мы оглянемся вокруг, то, скорее всего, обнаружим достаточно большое количество родственников, с которыми мы состоим в очень разных по частоте, интенсивности и длительности отношениях. Таким образом, мы сталкиваемся с определенным противоречием: с одной стороны, понятное на обыденном уровне утверждение об уменьшении значимости родственных отношений в нашей жизни, с другой стороны – определенное количество людей, с которыми мы состоим в отношениях, именуемых родственными и основанных на определенных правилах и нормах поведения. Причем несоблюдение последних часто может привести примерно к тому же эффекту, что кризисные эксперименты Гарольда Гарфинкеля. Кажется, что объяснение этому противоречию может быть найдено в том, что мы понимаем под родством. Сложность с определением этого понятия состоит в том, что его употребление в социальных науках очень прочно связано с понятием «незападных обществ» или «традиционных обществ». Джанет Карстен, британский социальный антрополог, очень точно замечает по этому поводу, что «родство – это то, что было у «них», у «нас» есть семья – и это совсем другое дело» [8, с.15]. Это устойчивое методологическое разделение – между «своими» и «другими», с одной стороны, и «семьей» и «родством» как понятиям для описания отношений родства, с другой стороны, создает сложности при попытке концептуализировать родственные отношения в современном обществе через категорию «родства». Если конкретизировать эту идею, то можно отметить, что многие понятия и категории, которые использовались при описании незападных обществ прошлого не работают в

условиях современности, что, однако, не говорит об отсутствии в современном мире родственных отношений как таковых. Шнайдер утверждал, что понятие «родства» является западным конструктом и поэтому не подходит для незападных обществ [9]. Однако в классическом понимании оно нерелевантно уже и для западных обществ. Исходя из этого, попробуем рассмотреть условия, в которых создаются современные родственные отношения и сформулировать принципы, которые лежат в основе этих отношений.

Расширение и усложнение сферы родственных отношений

Классическое определение родства предполагает, что это отношения, возникающие либо в результате брака, либо основанные на биологической общности. Такое определение на протяжении долгого времени четко очерчивало границу того, что можно считать родством и изучать как таковое, а что нет. Однако изменения, происходящие в современном обществе, во многом переопределяют казалось бы очевидные категории. Прежде всего, это новые репродуктивные технологии – искусственное оплодотворение, суррогатное материнство, донорство яйцеклетки, которые создают целый ряд новых отношений. Харис Томпсон [10, с. 175-202] исследуя различные репродуктивные технологии, на примерах показывает, какие сложные конфигурации могут принимать родственные отношения. Так, например, она описывает случай экстракорпорального оплодотворения, где донором яйцеклетки для Флоры выступала ее дочь, а донором спермы – второй муж Флоры. Для рожденного ребенка Флора будет являться матерью в социальном плане – так как будет воспитывать его и отчасти в биологическом плане – так как вынашивает его, в то время как дочь Флоры будет сводной сестрой в социальном плане и матерью – с точки зрения генетики. Таким образом, мы видим, как пересматриваются казавшиеся устойчивыми для классической антропологии родства границы биологического и социального.

Процессуальный характер родства

В данном случае мы исходим из того, что родство является не столько состоянием или свершившимся фактом, сколько динамичным процессом, направленным на постоянную актуализацию, поддержание и переопределение отношений. Тогда, родственные отношения не определяются исключительно биологической или социальной связью, а, в первую очередь, создаются в процессе регулярных повседневных взаимодействий [11, с. 18]. Следовательно, исследовательский интерес смещается с терминов родства – на отношения и со структуры – на действия и значения, то есть предполагает изучение, например того, что значит быть братом, сестрой, матерью в разных культурных и социальных контекстах [11, с.14; 12, с.1; 13, с. 345]. Термин родства, который человек получает в результате свершения какого-либо события (например, становится мужем или женой в результате свадьбы, матерью или отцом – в результате рождения ребенка) определяет норму – как он должен себя вести, но не само отношение. Таким образом, термин является только отправной точкой для формирования и развития отношений родства.

Персональный выбор как стратегия создания родственных отношений

Одним из следствий процессуального характера родства является то, что современных формы родства могут быть описаны как гибкие и основанные на идеи выбора и волюнтаризма. Эта тема получила распространение благодаря исследованиям однополых отношений, и в особенности работе Кейт Вестон «Семьи, которые мы выбираем» [14]. В ней автор описывает, в том числе сложности, которые возникают у однополых пар в отношениях с родственниками после того, как последние узнают об их сексуальной ориентации. В этом контексте Вестон противопоставляет семьи, «данные» нам от рождения и те, которые мы приобретаем. Она показывает, что первые часто отказываются поддерживать отношения с родственниками, если те являются гомосексуалистами или лесбиянками, и эти отсутствующие отношения заменяются другими – с друзьями или с дальними

родственниками, которые и становятся той самой семьей по выбору. Таким образом, Вестон показывает, что семьей являются те, кто ведет себя как семья, независимо от биологических оснований. Идея выборного, добровольного характера родственных отношений может быть выражена и иным образом. Например, Мэйсон и Тайпер [15] в своем исследовании «Быть родным: как дети определяют и создают родство» Being related: how children define and create kinship» обращаются к детям как источнику категорий родства и показывают, насколько многообразны стратегии выстраивания отношений к родственникам. Авторы выделяют пять пространств концептуализации родственников.

«Настоящие» родственники. В данную группу попадают родственники, отношения связанности с которыми невозможно оспорить. В данном случае мы имеем дело с формальным принципом определения родственников либо через связь по крови, либо через связь по браку.

Углубленное понимание «настоящих» родственников. Углубленное понимание родства реализуется в том, что дети пытаются реинтерпретировать существующую номенклатуру родства за счет создания своей, внутренней терминологии. Авторы указывают на то, что 26 из 49 проинтервьюированных детей в некоторых ситуациях не употребляли с терминами родства префиксы, которые указывали на менее близкие отношения (например, «step mother» превращалось в «mother», а «half brother» в «brother»).

Дистанцирование от «настоящих» родственников. Среди «настоящих» родственников есть не только те, кого дети хотят «приблизить» к себе, но и те, с кем у детей отношения не складываются, и это влечет за собой желание отдалить таких родственников от себя. Механизмом снова выступает реинтерпретация существующей терминологии: ребенок не может оспорить родство с «настоящим» родственником, поэтому прибегает к использованию термина, обозначающего дальнейшее родство. Например,

практика называния своих старших кузин через добавления к их имени слова «тетя».

Выбор из потенциальных родственников. Это пространство образуют люди, которые, с точки зрения детей, не являются «настоящими» родственниками, но потенциально могут такими стать. К этой группе, в первую очередь, относятся сожители кого-то из «настоящих» родственников. Что же может превратить потенциального родственника в «настоящего»? Во-первых, это наличие детей. С точки зрения детей, если один из партнеров (в ситуации сожительства) является «настоящим» родственником, то факт появления детей у такой пары, автоматически превращает не-родственника в «настоящего» родственника. Во-вторых, важным фактором становится время – невозможно «стать родственником» мгновенно, на это требуется время. В-третьих, статус «настоящего» родственника можно заработать через участие в рутинных повседневных семейных практиках. В-четвертых, для детей, с точки зрения признания человека как родственника, представляется важным, чтобы человек в своих действиях был ориентирован на них и на их интересы.

Связанность или создание родства на основе отношений, похожих на родство. Мэйсон и Тайпер отмечают, что 65% детей указали на то, что имеют особые отношения, которые похожи на родство, но не в полной мере им являются. Во-первых, это друзья опрашиваемых. Здесь срабатывает принцип «разделенной биографии», подразумевающий, что человек чувствует общность с тем, с кем проводит много времени, вместе растет и развивается. Для многих детей фраза «мы знакомы с рождения» является фактом, говорящим об очень близких отношениях. Во-вторых, в эту группу попадают друзья родителей. Авторы называют такой механизм формирования связанности «родством по доверию»: отношение к родителям дети переносят на близких друзей родителей. В-третьих, в ситуациях описания отношений похожих на родство, очень часто возникают домашние животные, которых дети рассматривают как своих членов семьи.

Таким образом, исследование Мэйсона и Тайпера показывает, что наряду с формальной терминологией родства существует своя внутренняя система называния родственников, которая отражает личные отношения между ребенком и родственником. При этом родственные отношения понимаются детьми как то, что можно создаваться в процессе совместных практик, а сеть родственников является результатом их выбора и ответа на вопрос с кем, они хотят поддерживать отношения.

В целом, идея выбора в основе родственных отношений бросает вызов классическому утверждению, что родственников не выбирают. Однако хотелось бы отметить, что суть заключается не в отрицании биологических родственников и не в возведении в ранг родственника любого человека. Если мы основываемся на том, что родство создается в процессе взаимодействия, то мы принимаем идею, что родственные отношения – это более сложная и многоуровневая система отношений, чем та, которая возникает на основе счета только порождения и брака. И выбор в данном случае понимается как один из принципов, который создает эту сложную систему путем дифференциации родственников не только по рангу родства, но и иным субъективно значимым характеристикам.

Родственные отношения в контексте изменений

На протяжении жизни человека его родственные отношения не остаются неизменными. С одной стороны, эти изменения касаются характера длящихся отношений. Например, «быть братом» в детстве может означать абсолютно не то же самое, что «быть братом» во взрослом возрасте. С другой стороны, возникают изменения самой конфигурации родственной сети – появление новых родственников, смерть или разрыв отношений со старыми. При этом важно понимать, что изменение одних отношений часто оказывает влияние на другие отношения. Так, например, вступление в брак перестраивает отношения со многими членами семьи: родителями, братьями и сестрами. Одной из форм изменчивости можно считать латентную фазу родственных отношений. Здесь проявляется интересная связка между

рассмотрением родства через классический принцип общего происхождения или порождения и через логику взаимодействия. Так, мы можем знать о родственнике, не поддерживать с ним отношения до какого периода, а потом «возобновить» их, основываясь на идее того, что эти отношения потенциально существовали, так как существовало кровное родство. Латентность родственных отношений, таким образом, существенно расширяет сеть возможных родственников. Рассмотренные как процесс, отношения родства предстают в принципе как постоянно изменяемые: переопределяемые и дополняемые в зависимости от прошлых взаимодействий.

«Новое» родство

Томпсон [10], исследуя новые репродуктивные технологии, обращается в своей статье к понятию «натурализация», что описать различные процессы по легитимизации новых форм родства. По сути, ее интересует, какими способами новое биологическое родство становится – за счет интерпретации – обычным биологическим родством. Сьяк ван дер Гест [16], исследуя связи между дружбой и братско-сестринскими отношениями, затрагивает противоположный биологическому полюс родственных отношений. Он отмечает, что люди часто выбирают термины родства и используют их для не-родственников, чтобы с помощью них выразить свою любовь, что говорит о том, что отношения родства являются моделью настоящей любви и привязанности. Однако гибкий характер отношений родства создают ощущение, что те отношения, которые мы можем выбрать, являются более важными и дают нам больше, чем, которые предписаны [16, с. 69]. С одной стороны, эти исследования являются примером того, насколько широко поле современных исследований родства. С другой стороны, они также наглядно показывают, что классические дискуссии о природе родства уже не позволяют ответить на многие актуальный вопросы, так как биологическое, социальное, метафора биологического и метафора социального слишком плотно переплетаются друг с другом.

Родство представляет собой сложный культурный механизм (принцип) (ценности), который формирует отношения и общность людей на биологических и социальных основаниях и проявляется в очень разных формах. В рамках статьи мы остановились на некоторых тенденциях и особенностях «нового родства». Категория «нового» в данном случае отсылает и к существенным изменениям самих отношений, и к смене методологии, исследовательского взгляда. Одной из отправных точек в нашем рассуждении стал вопрос о природе родственных отношений, решенный, однако, не в русле биологического/социального. Описывая характер родственных отношений в современном обществе, мы использовали понятия «процессуальный», подразумевая, что нас, в первую очередь интересует, не термины и структуры, а процесс *создания* отношения родства, который разбивается на повседневные родственные практики.

Процессуальный характер родства также позволяет наблюдать, как изменяются отношения родства. Причем эти изменения могут касаться как конкретного человека, так общества в целом, когда трансформируются представления о родстве, как это было показано на примере с использованием новых репродуктивных технологий. Гибкость, латентность, волюнтаризм были выделены нами, как черты, одновременно усложняющие и помогающие понять характер родственных отношений в современном обществе. Михаэль Пелетц, анализируя состояние исследований родства в конце 20 века, отмечает, что изучение родства уже невозможно вести в рамках одной четко очерченной области [13, с. 45]. Исследование родственных отношений плотно сопряжено с изучением гендера, собственности, миграции, образования, домохозяйств. Именно в этом видится много новых возможностей для изучения и понимания родства, которое наряду с другими социальными механизмами лежит в основе понимания процессов идентификации, общности и принадлежности.

Список литературы:

1. Schneider D. What is kinship all about? / Parkin R., Stone L. (eds), Kinship and family. Blackwell publishing, 2007. Pp. 257-274.
2. Куропятник М.С. Антропологическая перспектива изучения современности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета, Серия 12, 2012, вып. 2. С. 232-237.
3. Schweitzer P. Dividends of kinship. Meaning and uses of social relatedness. London: Routledge, 2000. 221 p.
4. Franklin S., McKinnon S. Relative values: reconfiguring kinship studies / Franklin S., McKinnon S. (eds), Relative values: reconfiguring kinship studies. Duke University Press. Durham and London, 2001. Pp. 1-25.
5. Segalen M. The shift in kinship studies in France: the case of grandparenting / Franklin S., McKinnon S. (eds), Relative values: reconfiguring kinship studies. Duke University Press. Durham and London, 2001. Pp. 246-273.
6. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь, М.: Весь мир, 2004. 120 с.
7. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 284 с.
8. Carsten J. After kinship. New York: Cambridge University Press, 2004. 216p.
9. Schneider D. A Critique of the study of kinship, 1984
10. Thompson C. Strategic Naturalizing: kinship in an infertility clinic / Franklin S., McKinnon S. (eds), Relative values: reconfiguring kinship studies. Duke University Press. Durham and London, 2001. Pp. 175-202.
11. Carsten J. Cultures of Relatedness: new approaches to the study of kinship, Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 215p.
12. Thelen T., Coe C., Alber E. The Anthropology of Sibling Relations: Explorations in Shared Parentage, Experience, and Exchange // The Anthropology of Sibling Relations: Shared Parentage, Experience, and Exchange / eds E.Alber, C.Cati, Thelen T. New York: PALGRAVE MACMILLAN. 2013. Pp. 1-26.
13. Peletz M. Kinship studies in late twentieth-century anthropology // Annual Review of Anthropology. 1995. Vol. 24, pp. 343-372.
14. Weston K. Families We Choose: Lesbians, Gays, Kinship. New York: Columbia University Press. 1997. 288 p.

15. Mason, J. and Tipper, B. Being Related: How children define and create kinship // *Childhood*. 2008.15 (4). Pp. 441-460.
16. Van der Geest S. Kinship as Friendship: Brothers and Sisters in Kwahu, Ghana // *The Anthropology of Sibling Relations: Shared Parentage, Experience, and Exchange* / eds E.Alber, C.Cati, Thelen T. New York: PALGRAVE MACMILLAN. 2013. Pp. 51-70.